

А.С. АНДРЕЕВА

ТРИ ИЗМЕРЕНИЯ ВЗРОСЛОСТИ В XXI ВЕКЕ: ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, СВОБОДА И ЗАБОТА

АНДРЕЕВА Анастасия Сергеевна – аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург, стажер-исследователь Центра молодежных исследований того же университета (as.andreeva@hse.ru).

Аннотация. В фокусе статьи специфика перехода к взрослости современной российской молодежи. Транзиция во взрослость как теоретической конструкт активно обсуждается, однако специфика взросления российской молодежи остается недостаточно изученной. В статье уделяется внимание индивидуальному и коллективному аспекту взросления. На основе глубоких полуструктурированных интервью с 30 жителями Санкт-Петербурга от 18 до 43 лет демонстрируются ключевые субъективизированные маркеры взросления при конструировании молодежью образа взрослого. Выделенные на материалах эмпирического исследования категории свободы, ответственности и заботы и их конфигурации в традиционном и альтернативном образах взрослости представляют интерес для понимания специфики эмоционально насыщенного процесса взросления современной российской молодежи.

Ключевые слова: молодежь • транзиция во взрослость • взросление • маркеры взрослости • прекарность

DOI: 10.31857/S013216250023698-0

Введение. Взросление, классически понимаемое как транзиция (переход) к взрослому этапу жизни, в XXI в. приобретает новые черты: траектории взросления становятся комплексными и нелинейными и больше не могут быть объяснены старыми схемами [Митрофанова, 2019: 54]. Дискуссия складывается вокруг ключевых характеристик взросления: каково культурное понимание взрослости молодежью, можно ли говорить о формировании нового стандарта взросления, какие категории являются основными для понимания логики и практики организации транзиции во взрослость. В настоящей статье мы показываем рефлексии молодежи о процессе взросления.

Исследователи отмечают, что связь взрослости, стабильности и завершеного набора транзиций становится все менее актуальной для молодых людей [Woodman, Bennett, 2015]. Если ранее взросление осмыслялось через такие маркеры, как получение образования, выход на рынок труда, отъезд из родительского дома, основание совместного домохозяйства с партнером, брак и рождение детей, то в настоящее время на первый план выходят субъективные факторы – как правило, это умение контролировать себя и свою жизнь, принимать самостоятельные решения, брать ответственность за себя и других. Все чаще транзиция во взрослость концептуализируется не как событие, наступающее одномоментно, а как протяженный по темпоральной шкале процесс, причем эмоционально насыщенный [Hartmann, Swartz, 2007: 278]. В данном дискурсе особое место занимает категория агентности – способность к самостоятельному выбору и действию, которое иницируется субъектом.

Ряд западных ученых настаивает на необходимости критического переосмысления стандарта транзиции во взрослость. Вин, Вудман и Дуайер утверждают, что происходит не продление молодости, а появление «новой взрослости» [Dwyer, Wyn, 2001; Wyn, Woodman, 2006]. Арнетт предлагает назвать этот новый стандарт «нарастающей взрослостью» и признать, что период от 18 до 25 лет – это фаза жизненного курса, которая характеризуется отсрочкой обязательств «взрослой» жизни и «беспрецедентными возможностями» для

трансформации жизни (среди которых конструирование идентичности, перебирание возможностей в работе и в любви, фокус на себя, нестабильность и чувство пребывания между молодостью и взрослостью) [Arnett, 2004: 475]. У Коте иная позиция: идея «нарождающейся взрослости» подменяет механизмы приспособления к структурным изменениям свободно принятыми решениями отложить транзицию во взрослость; принятие нового стандарта транзиции во взрослость приведет к нормализации маргинального положения молодежи и исключению ее из взрослой рабочей силы, включение в которую обеспечило бы молодым людям финансовую независимость [Côté, 2014: 186].

Что касается вектора развития транзиции во взрослость российской молодежи, исследователи в целом сходятся во мнении, что он сближается с глобальным трендом. Так, Кравченко замечает, что «молодость определяется одиночеством, тратой денег на социализацию, арендой жилья, учебой, путешествиями и наличием "rubbish job"» [Kravchenko, 2015: 314]. Для российской молодежи характерен тренд на пролонгацию транзиции во взрослость: взросление «начинается с получения образования и работы, в то время как брак и деторождение откладываются во времени, за пределы "молодого" возраста, выходя, вероятно, уже реализацией взрослого этапа жизни, нежели подготовкой к нему» [Нартова, Фатехов, 2021: 341]. Субъективные маркеры взросления, свойственные российской молодежи, также сближаются с теми, что характерны для западных сверстников: «среди основных интерпретаций: взрослость как определяемая средой иерархическая категория, взрослость как умение контролировать себя, как умение брать на себя ответственность и принимать самостоятельные решения, как финансовая независимость» [Павленко, Якубовская, 2020: 388]. Исследователи отмечают, что современная российская молодежь, чья транзиция во взрослость происходит в условиях глобализации и прекаризации, тем не менее, не приспособлена к этим условиям. Рыночная мотивация и предпринимательская ориентация не сформированы: «Люди, родившиеся и выросшие в условиях рыночной экономики, не хотят идти работать "в рынок"» [Андрианова и др., 2018: 335].

Для осмысления взросления современной российской молодежи наиболее перспективными представляются следующие концепции. Во-первых, для понимания индивидуального опыта взросления – модель терапевтической самости Силва, которая выходит на первое место в силу отсутствия доступа к традиционным маркерам взрослости в изменившемся социально-экономическом контексте [Silva, 2012: 517]. Эта модель позволяет молодым людям переопределить значение «компетентной взрослости»: альтернативная история взросления заканчивается не свадьбой, покупкой дома или построением карьеры, но реконструкцией независимого цельного «я». Во-вторых, для понимания коллективного аспекта транзиции во взрослость принцип Сеттерстена и его коллег: взрослые действуют не автономно, а в условиях, сформированных их связями с другими людьми, следовательно, состояние не независимости, но взаимозависимости – более адекватный маркер [Settersten et al., 2015: 12].

В фокусе данной статьи анализ представлений российской молодежи о процессе взросления. Внимание обращено к категориям, ключевым для понимания транзиции во взрослость молодых женщин и мужчин, проживающих этот процесс в условиях «общества риска», на примере 20-, 30- и 40-летних жителей Санкт-Петербурга.

Эмпирическая база исследования. Проект, материалы которого использованы в статье¹, посвящен социополитическому контексту взросления современной российской молодежи, ее представлениям о взрослении и взрослости, ценностным установкам по отношению к другим возрастным группам. В нарративах, полученных в ходе проведения полуструктурированных глубинных интервью, информанты делились восприятием этапов

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Взросление российской молодежи в XXI веке: поколенческий анализ» ЦМИ НИУ ВШЭ СПб в 2020–2022 гг. при поддержке НИУ «Высшая школа экономики».

своего взросления, начиная со школьного периода. Внимание уделялось вопросам, связанным как с объективными, так и с субъективными маркерами взросления.

Поиск информантов осуществлялся через личные сети исследователей и публикации в социальных сетях Центра молодежных исследований, после чего был продолжен методом снежного кома. Интервью проводились офлайн, все участники дали согласие на запись, а также проинформированы об их праве не делиться сенситивной информацией. Впоследствии все интервью были анонимизированы. Анализ проводился в логике обоснованной теории с применением процедур открытого и осевого кодирования.

Эмпирическую базу настоящей статьи составили 30 интервью с жителями Санкт-Петербурга по трем возрастным когортам: 18–23 года, 28–33 года, 38–43 года. Такое деление было принято исходя из поколенческой классификации, предложенной Радаевым, где «молодежи» соответствует поколение «миллениалов» – людей, рожденных с 1982 по 2000 г. [Радаев, 2019: 48]. Разделение опрошенных на подгруппы из десяти человек условно двадцатилетних, тридцатилетних и сорокалетних позволяет проанализировать разные этапы жизненных курсов и различные траектории транзycji во взрослость.

Для исследования привлекались молодые петербуржцы с разнообразным социально-экономическим бэкграундом, достатком, образовательными и трудовыми траекториями. Большая доля приезжих среди жителей города, а также разнородный состав населения Санкт-Петербурга позволили составить более полную картину разнообразия сценариев и контекстов транзycji во взрослость российской молодежи. В группе 20-летних никто не состоит в браке и не имеет детей. Кто-то уже имеет высшее образование или находится в процессе его получения, есть информанты со средним общим и средним специальным образованием; часть из них проживает с родителями, часть – отдельно. В выборку группы 30-летних вошли преимущественно люди с высшим образованием (за исключением двух). Все проживают отдельно от родителей: в съемной или своей квартире, взятой в ипотеку, или в квартире мужа. Брачный статус информантов(к) разнообразен: шестеро состоят в браке (из них двое не имеют детей), трое – нет, одна информантка разведена. В возрастной когорте 40-летних у половины информантов есть дети; два информанта не женаты, две информантки в разводе, остальные состоят в браке; большинство живет в своих квартирах (см. Приложение).

Необходимо также сказать об ограничениях исследования. В данном исследовании было принято решение сконцентрироваться на Санкт-Петербурге, но, даже учитывая богатый опыт миграции жителей и жительниц Санкт-Петербурга, в одном исследовании невозможно отразить все разнообразие опыта взросления российской молодежи. Интервью проводились в 2020–2021 гг., ввиду чего необходимо учитывать изменившийся социально-политический контекст.

Ключевые категории анализа. По результатам исследования эмпирического материала были выделены осевые категории «свобода», «ответственность» и «забота», которые позволяют уловить нюансы взросления современной российской молодежи. Эти три категории были определены нами как ключевые; далее они будут рассмотрены от наиболее к наименее раскрытым в нарративах. Следуя модели терапевтической самости, мы можем проследить, как молодежь формулирует маркеры взросления, руководствуясь категориями свободы, ответственности и заботы. Наблюдается влияние неолиберального дискурса на концептуализацию этих категорий в процессе взросления: смешиваются понятия прекарности и свободы, ответственность и забота воспринимаются в негативном ключе как недобровольные обязательства. Можно отметить особенности женских и мужских транзycji: женщины сообщают о более позднем наступлении свободы и взрослости в связи со вступлением в сексуальные отношения. В то же время категории ответственности и заботы ярко проявляются в женских нарративах, особенно в контексте материнства. Таким образом, женские представления о взрослости больше соответствуют принципу взрослости по Сеттерстону, нежели мужские.

«Акция (не)свободного выбора»: свобода как измерение взрослости. Категория свободы получает двойственное прочтение в нарративах о взрослости: с одной стороны, молодые люди убеждены, что свобода наступает со взрослостью и является лучшей ее частью, с другой – что взрослый человек сам себе не принадлежит и свободы во взрослости быть не может. Рассмотрим категорию свобода как измерение взрослости с трех позиций: нарративов о конфликте традиции и новации, о неолиберальной экономике и о гендерно специфичных траекториях взросления.

Как следует из нарративов информантов, транзичия во взрослость – это процесс обретения агентности. Линии напряжения, которые определяют транзичию во взрослость российской молодежи, включают в себя следующие: (а) взрослость («забросить себя») – молодость (самореализация); (б) старшее поколение – молодое поколение; (в) «старые нравы» (консерватизм) – «новые нравы» (либеральные устои); (г) жесткий контроль со стороны старших – агентность, право выбора, свобода; (д) традиционные нормы феминности и маскулинности – свобода самовыражения; (е) объективные маркеры взросления (дом, машина, брак, дети) – субъективные маркеры взросления (ответственность, самостоятельность, взвешенность).

Нетрудно увидеть, что понятие свободы находится в семантическом поле молодости; свобода – это характеристика молодежи. Молодежь хочет повзрослеть в значении «обрести агентность», но не стремится к взрослости в традиционном понимании, а хочет создать новую версию. В нарративе 21-летней Д. возникают два образа взрослости: традиционный и альтернативный: *«Ну, для меня взрослый, это как-то... Тетя Аля, которая сидит где-нибудь, в каком-нибудь секретариате, в странном, в СССРовском офисе»* (№ 8).

Присутствие или отсутствие свободы в представлении о будущем определяет образ взрослости в нарративе информантов. Традиционный образ взрослости, базирующийся на нормативной трудовой биографии и формальных критериях успеха, не вызывает энтузиазма у молодого поколения: формула, которая работала для предыдущих поколений, не выдерживает критики в условиях современной России. Альтернативный же образ взрослости предполагает самостоятельный выбор биографической траектории и формулирование критериев успеха, что вызывает позитивный отклик у молодежи.

Традиционная взрослость трактуется большинством молодых людей через маркеры, имеющие негативную коннотацию. Признаки взрослости – оседлость, отягощенность ипотекой и кредитами – это признаки предыдущего поколения, с которым хочется избежать сходства. Так, единственный из когорты двадцатилетних, кто называет свой текущий период зрелостью (не молодостью), характеризует себя негативно, через ассоциацию со старым человеком: всем недоволен, постоянно встревожен. Традиционная взрослость в понимании информантов – это отсутствие новых привилегий и масса новых обязательств.

Напротив, альтернативная (она же желаемая) взрослость – это свобода проживать аутентичную по отношению к своей идентичности жизнь. Эта желаемая взрослость трактуется через субъективные маркеры, имеющие позитивные коннотации («Взрослый – это как состояние души» (№ 2, м., 22 г.). Как это определяют информанты, взрослость – это самостоятельное принятие решений о своей жизни; взрослый человек – это человек осознающий себя, сформулировавший желания, стремления и цели. В этом сценарии женщина чаще всего не замужем, не домохозяйка, не соответствует образу «хорошей девочки», что выражается визуально и через стиль жизни: *«И я буду той самой, той самой прикольной, сначала, тетушкой, которая такая (щелкает пальцами): “Тетя, ну купи сигарет”. – “Ну ладно, пойдемте”. – “Теть Даш, тетя Даш, поехали куда-нибудь?” – “Ну ладно. Поехали”. А потом я буду такой же бабулей, которая будет, чумачечая, в татуировках... То есть лучше быть такой взрослой»* (№ 8, ж., 21 г.)

Понятию свободы также отводится важная роль, часто она понимается как отсутствие привязки к формальным институтам: возможность учиться, не будучи скованными сеткой пар, возможность работать, не будучи привязанными к офису и расписанию «с 9 до 5». Молодежь разнится в своем отношении к подобной трактовке свободы. Среди

молодых людей есть тенденция искать способы «подвернуть систему под себя», поскольку, по их мнению, проходить всю академическую, а за ней карьерную лестницу с низов – это напрасная трата времени и усилий. По мнению некоторых молодых людей, в формальных институтах их ждет то, что Грэбер называет бредовой работой; «вольные хлеба» будут лучшей альтернативной. Примеры из нарративов информантов подтверждают, что современный рынок труда предоставляет условия для «фаст-трека» в обход устоявшихся норм трудовой биографии. Подобный пример – случай А., который на собственном опыте узнал, что в сфере IT нет необходимости проходить через все ступени нормативной трудовой биографии: *«Вот, и, соответственно, я решил немножко хакнуть систему и... я вообще забил болт на все вакансии "джуниоров"-разработчиков, ну, то есть младших разработчиков. Я сразу уже подавал на таких матёрых, на "мидлов"... Вот, и так я вот попал как-то на стажировку, хитрыми путями»* (№ 5, м., 21 г.).

Молодые мужчины и женщины, в частности работники умственного труда, адаптируются к прекарной рыночной экономике и воспринимают нестабильность как поле свободы. Ар. (№ 4, м., 22 г.), к примеру, рад, что его не ограничивают традиционные установки вроде «одной работы на всю жизнь», возможность сменить профессию для него означает свободу проявления агентности. В нарративе 22-летнего А. (№ 5, м., 21 г.) прекарность выступает своеобразной «таблеткой от взрослости»: возможность сменить профессию означает для него возможность не стать «за*банным жизнью» взрослым. Даже Е. (№ 10, ж., 20 л.), которая максимально следует нормативной трудовой биографии, более того – учится на целевом отделении, держит в уме возможность быстрой смены профессии. В роли надежного «запасного аэродрома» выступает профессия мастера по маникюру, где вступительный ценз – курсы – достаточно низкий.

Во многих нарративах прослеживается идея, что необходимость приспособливаться к рыночной экономике и прекарности сформировала современную молодежь. Деловое рыночное мышление становится дефолтным; стремление монетизировать все стороны жизни воспринимается как признак взросления: *«Ну, то есть если я что-то придумал, я сразу: "Ага, как на этом зарабатывать, куда это приткнуть, когда это делать" – типа, более практично как-то подхожу к желанию своему»* (А., м., 22 г.).

Прекарность не проблематизируется большинством молодых людей. Для нарративов молодежи характерна идея, что мир неустанно движется вперед и нужно развиваться в его темпе, остановишься – неизбежно отстанешь. Позволить себе остановиться – значит проявить лень, «застрять» в одной профессии – остановиться в развитии; необходимо развиваться во всех направлениях. Таков, к примеру, нарратив 21-летней Д., которая работает формально менеджером, а на деле – «за пятерых сотрудников», по собственному выражению. Эту ситуацию Браун называет «глобальным аукционом», где потенциальные молодые работники соревнуются, чтобы предложить самые лучшие навыки за самую низкую цену [Brown et al., 2011]. Исследователи предупреждают об опасности прекарного положения молодежи: гибкость труда может приводить к росту социальной уязвимости [Кученкова, 2019], из-за огромных масштабов смены профессий снижается интеллектуальный капитал [Тощенко, 2019], а прекаризация в сфере занятости приводит к прекаризации жизни [Шевченко, Шевченко, 2022].

Некоторыми прекарность воспринимается как поле свободы, но пугает других. К первым, как правило, относятся молодые мужчины, занятые в сферах умственного труда, ко вторым – женщины, представители старших когорт молодежи и работники физического труда (люди, обремененные обязательствами или желающие остепениться, а также те, кто мало востребован в высокооплачиваемых сферах цифровой экономики). Не всех прельщает риск и непредсказуемость жизни предпринимателя или фрилансера; среди молодежи немало и таких, которым внушает страх всеобъемлющая неопределенность. «Если наши родители там знали, нам дадут квартиру, пенсию и так далее, а тут вообще не пойми, что случится. То есть страшно просто», – так Э. (№ 18, ж., 29 л.) описывает транзитию во взрослость в современную эпоху.

Свобода как измерение взросления приобретает разные значения в зависимости от гендерных контекстов. Одно из наиболее значительных отличий в том, какой этап мужчины и женщины определяют как начало самостоятельной и свободной жизни. Многие информанты отмечают, что отъезд из родительского дома – это важнейшее событие на пути транзиции во взрослость, так как означает сепарацию от родительской семьи, а следовательно, дает свободу и возможность самостоятельно определять курс своего будущего. При этом женщины сталкиваются с пролонгированным контролем и дольше остаются в зависимой фазе жизни: родительский контроль может перетекать в контроль мужа и его семьи с началом самостоятельной (хотя в данном случае будет более корректной формулировка «отдельной от родителей») жизни молодой женщины. Информантки из когорт 30-летних и 40-летних часто отмечали следующий паттерн: их самостоятельная (?) жизнь начинается с переезда к мужчине-партнеру, перехода из-под покровительства одной семьи к покровительству другой. «Когда я съехала от мамы, я съехала от одной мамы к другой маме» (№ 17, ж., 32 г.).

Информантки сообщают о неравноправных отношениях с мужчинами, имеющими социальный и финансовый капитал, опыт, которых нет у молодых женщин: «Но стало сложнее, у меня пропала свобода. К сожалению, то есть, если я вот ну говорила, то есть я всегда где-то что-то, тут я такая примерная жена, то есть это такие. Это были патриархальные совершенно отношения, ну вот моя жена, я тебя всем, всем обеспечу» (№ 18, ж., 29 л.). Анализ нарративов информанток из когорт 30-летних и 40-летних показывает, что для многих женщин самостоятельная / свободная / взрослая жизнь начинается с развода. По мнению ряда информанток, финансовая независимость и свобода, которую он приносит, гораздо больше свидетельствуют о взрослении, чем статус замужней женщины.

Транзиция во взрослость может означать переход как к большей, так и к меньшей свободе, в том числе в вопросе следования гендерным нормам. В то время как некоторые молодые женщины и мужчины полагают, что с достижением статуса взрослого уже сточится требование соответствовать нормам фемининности/маскулинности («Женщинам и так толком не принадлежит их внешность. То есть наша внешность должна быть подобна некоторым стандартам. А когда ты взрослеешь, ты еще больше перестаешь себе принадлежать» (№ 8, ж., 21 г.)), есть и такие, которые отмечают, что раскрепощаются в процессе взросления. Среди молодых мужчин, в частности из когорты 20-летних, достаточно распространен нарратив отказа от традиционных норм маскулинности. Так, 21-летний И. положительно оценивает наблюдаемую им большую эмоциональность молодежи по сравнению с поколением родителей, эмоции связываются со свободой и сетями поддержки: «...мы более свободны, чем наши родители, и, наверное, более становимся эмоциональными, потому что... А, и более связаны группой, у нас есть больше, допустим, навыков общения, чем у наших родителей, потому что наши родители совершенно оторваны от каких-то социальных групп, а сейчас появляется больше, ну, среди молодежи, по крайней мере, как мне кажется, таких всяких комьюнити и общего действия вот этого вот» (№ 3).

«Ты можешь сказать “я за это отвечаю”»: ответственность как измерение взрослости. Молодежь часто говорит об ответственности как о первой ассоциации с понятием «взрослость»: «И.: “Что значит «быть взрослым человеком»?” Р.: “Ну, ответственность за свои поступки. Что ты её никому не можешь переложить, признаёшь свои ошибки и мисришься с ними”» (№ 4, м., 22 г.).

Трактовка ответственности неодинакова среди возрастных когорт: если двадцатилетние преимущественно полагают, что взрослыми их делает умение нести ответственность за себя, то тридцатилетние и сорокалетние считают, что таким показателем является умение нести ответственность за других. Это различие можно объяснить тем, что они находятся на разных этапах жизненного курса: в то время как большинство двадцатилетних только начинает самостоятельную жизнь, и забота о себе – их главная новая обязанность, у тридцатилетних и сорокалетних есть множество людей, которые на них полагаются (дети, старшие родственники, друзья и коллеги). Так, можно сравнить следующие

нарративы. 20-летняя А. полагает, что взрослой ее сделала новообетенная необходимость нести ответственность за себя, за поддержание своего тела и разума в хорошем состоянии: «И.: "Когда ты поняла, что ты, ну, стала зрелой?" Р.: "Когда первый раз съехала от родителей, я поняла, что надо саму себя заставлять вставать на учебу с утра, следить за тем, что я ем, сколько раз в день я ем. Из-за того, что я училась на переводчика, очень много заданий было, и я проводила в университете по 12 часов, плюс домашка, и я ела только один раз в день, но если был очень сильный завал, я могла есть один раз в неделю, я просто этого не замечала"» (№ 7, ж., 20 л.). 43-летняя Г. считает, что ее взрослость началась с появлением ответственности за ребенка: «И.: "В какой момент ты поняла, что ты из, например, молодости перешла во взрослость?" Р.: "Когда я дочку родила. Это уже все, ты уже несешь ответственность. Все, ты уже взрослый человек. То есть ты не просто так ла-ла-ла. Ответственность есть, ты уже взрослый. Все"» (№ 26).

Анализ нарратива Г. выявляет еще одно различие между представлениями об ответственности разных когорт. Если 20-летние и 30-летние, говоря об ответственности за других, особенно за своих детей, часто имеют в виду заботу, 40-летние подразумевают другое. Говоря об ответственности, Г. упоминает в первую очередь обеспечение материального благополучия, во вторую – дисциплинарный контроль (она употребляет два глагола со сходными значениями – «следить, контролировать», они занимают почти половину ассоциативного ряда со словом «ответственность»). Обеспечение психологической помощи стоит на последнем месте.

В нарративе информантки Т. из когорты 40-летних мы встречаем симбиоз понятий взрослости, свободы, ответственности и заботы: «Если говорить про сам вот этот менторский этап, который можно с 9-го года начать отсчитывать, то это еще и ощущение свободы, потому что для меня самое главное, свобода – это когда ты берешь всю ответственность на себя. Вот. Не когда ты от нее убегаешь, а когда ты учишь людей, когда ты отвечаешь за человека, за его успехи, за все происходящее, за... ну то есть это абсолютная свобода, потому что никто уже не властен над тобой. Ты можешь сказать "я за это отвечаю"» (№ 28, ж., 41 г.).

Свобода, вопреки распространенному мнению, не тождественна независимости, а сопряжена с ответственностью. Ответственность – признак власти, а с ней приходит и свобода, потому что индивид обретает возможность самостоятельно определять зону своей ответственности, невзирая на внешнее влияние. Свобода, взрослость и ответственность, в свою очередь, переплетаются с заботой, потому что ответственность информантка понимает с менторских позиций как поручительство за других людей, обучение нового поколения. Будучи единственной женщиной из когорты 40-летних в нашей выборке, чей нынешний жизненный этап определяется не разочарованием в браке, а наоборот, построением успешной семьи, Т. идет дальше всех, утверждая фундаментальную важность заботы. В ее нарративе забота не просто черта взрослого человека, а смысл жизни; она не только не стремится к независимости, но и считает ее бессмысленной. Напротив, забота о других (не только супругах и детях, но и друзьях и коллегах) – это то, что придает жизни смысл.

«Взрослый – это тот, кто испытывает удовольствие и потребность делиться вниманием»: забота как измерение взрослости. В нарративах многих опрошенных молодых людей забота является одним из центральных измерений взрослости. Такое понимание взрослости наиболее близко к тому, как определяют взросление Сеттерстен и коллеги. В частности, подобная позиция отражена в нарративе 32-летнего А.: «То есть взрослый – это тот, кто испытывает удовольствие и потребность делиться вниманием, временем, и он не может расти как личность дальше без этого. Он уже как один, идущий как бы в одиночку, уже не может дальше развиваться, то есть ему для развития требуется кто-то другой, чтобы ему что-то отдавать» (№ 15).

Наиболее ярко важность заботы звучит в нарративах женщин: они более эмоционально насыщены; ключевыми эпизодами в них являются события из приватной жизни.

Это утверждение можно проиллюстрировать цитатой 20-летней А., которая эксплицитно ставит помощь другим в центр своей трактовки взрослости: «И.: "Почему, как ты... почему ты ощущаешь себя взрослой?" Р.: "Я сейчас помогаю нескольким людям финансово, потому что ну у них такой период в жизни, я чувствую за них ответственность как таковую, я понимаю, что мне сейчас надо работать чуть больше, чтоб им помочь..."» (№ 7).

В нарративах молодых женщин появляется мысль, что забота – это обязанность взрослого человека, и наибольшего развития эта идея достигает в контексте материнства. Материнство реорганизует всю жизнь женщины; многие женщины отмечают, что для них взрослость начинается именно с материнства, и оно приобретает статус уникального проекта на стыке измерений свободы, ответственности и заботы.

В первую очередь материнство связано с ответственностью, которая может вызывать совершенно разный эмоциональный отклик. Так, О. (№ 18, ж., 29 л.) говорит, что с наступлением ответственности за другого у нее появилось больше страхов; с одной стороны, она чувствует гордость за то, что может отвечать за себя и ребенка, с другой – тоску по «утраченной свободе» из-за того, что уже не так легка на подъем, как раньше. Из последней цитаты очевидно, что для ряда женщин материнский проект может восприниматься как ограничивающий личную свободу, особенно если выполнение роли матери сокращает возможности вести образ жизни, популярный среди женщин их возрастной когорты. В то же время материнство может быть пространством для реализации свободы: «... мы в куколки ещё играли, ну, точнее, нам... нам давали их, да? Это потом уже стали спрашивать. Ну, и я свою дочку уже спрашивала: "Хочешь в куклу поиграть? Или в Лего". И она выбирала Лего. Окей, ну» (№ 29, ж., 40 л.).

Более того, многие женщины через опыт материнства переосмысливают свой детский опыт и находят в себе силы строить отношения с детьми, исходя из парадигмы заботливого, понимающего материнства. Молодые матери стремятся исправить ошибки своих родителей, не допустить повторения собственного детского опыта в жизни своего ребенка: «Когда у меня родился ребенок, я начала очень сильно сравнивать, ну, свое отношение к ребенку с отношением моих родителей ко мне. И я... первые годы на этот счет просто колбасило со страшной силой. До сих пор я это тяжело переживаю...» (№ 18, ж., 29 л.).

Наконец, отметим заботу, выраженную в формировании молодежью собственных сетей поддержки, формирования близких кругов и безопасных пространств, помогающих в ряде случаев адаптироваться и выжить в сложных рыночных условиях. Молодежь связывает эту включенность в сети прежде всего с надеждой на лучшее будущее. Сети поддержки предстают межпоколенными и кроссгендерными – таким образом молодежь выражает надежду на объединение всего общества. Так, информантка Е. называет ключевым событием в жизни рождение сестры, так как оно эмоционально сблизило ее с другими женщинами ее нуклеарной семьи («Нас это как-то сплотило что ли, ну то есть мы часто проводили время вместе с мамой, с сестрой». – № 10, ж., 20 л.), а информант И. полагает лучшими чертами молодежи навыки общения и чувство единения («... сейчас появляется больше, ну, среди молодежи, по крайней мере, как мне кажется, таких всяких комьюнити и общего действия вот этого вот, появляется больше, не знаю, демократии в каком-то плане...» – № 3, м., 21 г.).

Заключение. Мы полагаем, что выявленные нами эмпирические категории свободы, ответственности и заботы являются ключевыми для понимания специфики эмоционально насыщенного процесса взросления молодых жителей Санкт-Петербурга и обладают аналитическим потенциалом применительно к широкому кругу современной российской молодежи. Заимствуя категории Силва, мы можем сказать, что для построения «компетентной взрослости» нужно реконструировать цельное независимое «я» и определить это «я» в категориях свободы, ответственности и заботы. Какая категория выходит на первый план, приобретает она знак плюс или минус, зависит от многих факторов. Так, свобода может наступать для женщин позже, так как они сталкиваются с пролонгированным контролем со стороны родительской или собственной нуклеарной семьи; впрочем, этот

тренд нивелируется в самой молодой возрастной когорте. Понятие ответственности также претерпевает изменения на разных этапах транзycji во взрослость: если двадцатилетние преимущественно полагают, что взрослыми их делает умение нести ответственность за себя, то тридцатилетние и сорокалетние – умение нести ответственность за других.

Единое культурное понимание взрослости у молодежи выделить трудно; мы можем говорить о двух образах взрослости – традиционном и альтернативном. Традиционная взрослость трактуется через маркеры, несущие негативную коннотацию, ассоциируется со старшим поколением и его худшими чертами. Напротив, альтернативная (желаемая) взрослость трактуется через маркеры, которые имеют позитивную коннотацию, и ассоциируется с молодостью. Конфигурация трех ключевых измерений взрослости различается в этих двух образах взрослости. Свобода отсутствует в традиционном образе взрослости, но определяет образ альтернативный. Ответственность и забота присущи обоим образам взрослости, но если в традиционном они, как правило, воспринимаются как нежеланные, то в альтернативном, напротив, как добровольно выбранные и потому желанные.

В обществе с акцентом на индивидуализм может казаться, будто свобода, ответственность и забота не только не сочетаемы, но и противоречат друг другу. Нарративы информантов(к) обнаруживают обратное: свобода сопряжена с ответственностью, ответственность подразумевает заботу, а в той, в свою очередь, можно найти свободу.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Социально-демографические характеристики информантов (г. Санкт-Петербург)

№ интервью	Пол	Возраст	Образование	Брачный статус	Занятость	Проживание
1	м	19	Школа	Не женат, детей нет	Студент 2 курса вуза, подрабатывает хореографом	В родительской семье
2	м	22	Среднее специальное	Не женат, детей нет	Оператор станка, металлообработка	В родительской семье
3	м	21	Школа	Не женат, детей нет	Студент 4 курса вуза, работает в сети продуктовых магазинов в отделе документооборота	В родительской семье
4	м	22	Бакалавр, техническая специальность	Не женат, детей нет	Работает на заводе инженером, подрабатывает на звукозаписи	Независимое с друзьями и девушкой
5	м	21	Школа	Не женат, детей нет	Стажер, IT	Независимое
6	ж	19	Школа	Не замужем, детей нет	Студентка 2 курса, тату-мастер	В родительской семье
7	ж	20	Школа	Не замужем, детей нет	Студентка 2 курса, фрилансер	Независимое
8	ж	21	Незаконченное среднее специальное	Не замужем	Студентка, менеджер по продажам в логистике	Снимает комнату в квартире с другом
9	ж	20	Неоконченное высшее	Не замужем, детей нет	Студентка, менеджмент	Независимое
10	ж	20	Школа	Не замужем, детей нет	Студентка 3 курса мед. университета	В родительской семье

Окончание таблицы

№ интервью	Пол	Возраст	Образование	Брачный статус	Занятость	Проживание
11	м	28	Высшее	Женат, детей нет	Семейный бизнес	Ленобласть, квартира в ипотеке
12	м	32	Высшее	Не женат, детей нет	Владелец бизнеса, видео продакшн	С партнершей
13	м	32	Высшее	Женат, дочь, жена беременна вторым	Техник на заводе	С мамой, женой и дочерью
14	м	30	Среднее специальное	Не женат, детей нет	Студент педиатрического вуза, электрик	Снимает комнату
15	м	32	Высшее	Не женат, детей нет	Специалист, веб-технологии	Независимое
16	ж	29	Высшее	Разведена, детей нет	Event-менеджер в библиотеке	В квартире, купленной матерью
17	ж	32	Высшее	Замужем, двое детей, беременная третьим	В декрете	В квартире в ипотеке
18	ж	29	Высшее	Замужем, дочь	Преподаватель в университете	В квартире мужа
19	ж	30	Среднее специальное	Замужем, детей нет	Руководитель отдела продаж	В квартире мужа
20	ж	32	Высшее	Замужем, ребенок	В декрете	В квартире мужа
21	м	37, 38 в ноябре	Высшее	Не женат, детей нет	Бизнес – языковые школы	В хостеле
22	м	37, 38 в апреле	Высшее, кандидат технических наук	Женат, двое детей	Личные инвестиции, обучение на data-аналитика	Своя квартира
23	м	39	Среднее	Женат (2-й брак), двое детей	Свой бизнес	Своя квартира
24	м	39	Высшее	Не женат, детей нет	ИП и фриланс, переводы	Независимое
25	м	43	Высшее	Женат, трое детей	Моряк, наемный капитан на яхты и суда	Своя квартира
26	ж	43	Школа	В разводе, трое детей	Мерчендайзер	Квартира в ипотеке
27	ж	38	Высшее	В разводе, двое детей	Следователь-криминалист	В квартире бывшего мужа с ним и двумя детьми
28	ж	41	Школа	Замужем	Специалист, IT	С партнершей и двумя детьми
29	ж	40	Высшее	Замужем, 4 детей	Работает в некоммерческой благотворительной организации	Своя квартира с мужем и тремя детьми
30	ж	40	Среднее специальное	Замужем, детей нет	Работает агентом по недвижимости (на себя)	Своя квартира с мужем

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Андрианова Е.В., Тарасова А.Н., Печеркина И.Ф. Мотивы и трудовые ценности молодежи: парадоксы развития // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 3. С. 324–343. [Andrianova E., Tarasova A., Pecherkina I. (2018) Motivation and labor values of youth: development paradoxes. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3: 324–343. (In Russ.)]
- Кученкова А.В. Вторичная занятость в контексте процессов прекаризации на российском рынке труда // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 73–83. [Kuchenkova A. (2019) Secondary employment in the context of precarization on the Russian labor market. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 73–83. (In Russ.)]
- Митрофанова Е.С. Модели взросления разных поколений россиян // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6. № 4. С. 53–82. [Mitrofanova E. (2019) Models of transition to adulthood of different Russian generations. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review]. Vol. 6. No. 4: 53–82. (In Russ.)]
- Нартова Н.А., Фатехов А.М. Переход во взрослость российских миллениалов: на пути от получения образования к обретению ответственности и потере оптимизма? // Мониторинг общественного мнения. 2021. № 4. С. 319–344. [Nartova N., Fatekhov A. (2021) The Transition into Adulthood of Russian Millennials: On the Way from Getting an Education to Gaining Responsibility and Losing Optimism? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4: 319–344. (In Russ.)]
- Павленко Е.С., Якубовская А.А. Интерпретации взросления и формирование образовательных траекторий // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. No. 3. С. 376–390. [Pavlenko E., Jakubovskaja A. (2020) Interpretations of Adulthood and Formation of Educational Trajectories. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3: 376–390. (In Russ.)]
- Радаев В.В. Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2019. [Radaev V. (2019) *Millennials: How Russian society is changing*. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. (In Russ.)]
- Тощенко Ж.Т. Феномен прекариата: теоретические и методологические основания исследования // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 51–63. [Toshchenko Zh. (2019) The precariat phenomenon: theoretical and methodological premises of its study. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 51–63. (In Russ.)]
- Шевченко И.О., Шевченко П.В. От прекаризации занятости – к прекаризации жизни? // Социологические исследования. 2022. № 7. С. 63–75. [Shevchenko I., Shevchenko P. (2022) From employment precarization to life precarization? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 63–75. (In Russ.)]
- Arnett J.J. (2004) *Emerging adulthood: The winding road from the late teens through the twenties*. New York: Oxford University Press.
- Brown P., Lauder H., Ashton D. (2011) *The Global Auction: The Broken Promises of Education, Jobs and Incomes*. New York: Oxford University Press.
- Côté J.E. (2014) The Dangerous Myth of Emerging Adulthood: An Evidence-Based Critique of a Flawed Developmental Theory. *Applied Developmental Science*. Vol. 18. Is. 4 (October): 177–188.
- Dwyer P., Wyn J. (2001) *Youth, Education and Risk: Facing the Future*. London: Routledge/Falmer.
- Kravchenko Zh. (2015) Transition into Adulthood and Inequalities: The Institutional Perspective. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 13. No. 2: 303–316.
- Settersten R.A. Jr., Ottusch T.M., Schneider B. (2015) Becoming Adult: Meanings of Markers to Adulthood. *Emerging Trends in the Social and Behavioral Sciences: An Interdisciplinary, Searchable, and Linkable Resource*. Hoboken, N.J.: John Wiley & Sons: 1–16.
- Silva J.M. (2012) Constructing Adulthood in an Age of Uncertainty. *American Sociological Review*. Vol. 77. No. 4 (June): 505–522.
- Woodman D., Bennett A. (2015) Cultures, transitions and generations: The case for a new youth studies. *Youth cultures, transitions and generations: Bridging the gap in youth research*. London: Palgrave: 1–15.
- Wyn J., Woodman D. (2006) Generations, Youth and Social Change in Australia. *Journal of Youth Studies*. Vol. 9. No. 5: 495–514.

Статья поступила: 12.12.22. Финальная версия: 16.06.23. Принята к публикации: 17.06.23.

THREE DIMENSIONS OF ADULTHOOD: FREEDOM, RESPONSIBILITY, AND CARE

ANDREEVA A.S.

HSE University – St. Petersburg, Russia

Anastasiia S. ANDREEVA, PhD Student, HSE University – St. Petersburg, Research Assistant, Centre for Youth Studies HSE University, St. Petersburg, Russia (as.andreeva@hse.ru).

Acknowledgements. This research paper uses the results of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) in 2020–2022. We express our deep appreciation and gratitude to our colleagues from the Centre for Youth Studies and our informants who took part in this research.

Abstract. This paper focuses on the specifics of Russian youth' transition to adulthood. Transition to adulthood is a theoretical construct at the heart of the relevant discussion, however, its specifics in the Russian context remain underresearched. Through critically reflecting on neoliberal and gender perspectives of contextualizing the transition to adulthood, we pay attention to both individual and collective aspects of it. Based on 30 in-depth semi-structured interviews with residents of St. Petersburg aged 18–43, we demonstrate which subjective markers of adulthood are the key to constructing an image of an adult. The analysis was done on the results of the project "Transition to adulthood among Russian youth in the 21st century: generational analysis" carried out within the HSE Program of Fundamental Research in 2020–2022. Our empirically developed categories of freedom, responsibility, and care as well as their configurations in traditional and alternative images of adulthood pose an interest for understanding the specifics of Russian youth' emotionally saturated transition to adulthood.

Keywords: youth, transition to adulthood, markers of adulthood, precarity.

Received: 12.12.22. Final version: 16.06.23. Accepted: 17.06.23.